

Александра вздрогнула, проснулась и тут же торопливо натянула одеяло до самого подбородка — в ее комнате находился мужчина. Посторонний мужчина.

Впрочем, вот уже несколько лет, после того как уехал Николай, все мужчины были для нее посторонними.

Но этот мало того что посторонний — незнакомый.

Однако незнакомый ли?

Где-то она уже видела это крупное, значительное лицо в глубоких выразительных складках, темные, глубоко посаженные глаза, причем видела совсем недавно...

Мужчина топтался возле двери и оглядывался по сторонам, словно что-то искал. При этом он шевелил губами, но не было слышно ни звука. На Александру не смотрел, похоже, он ее вообще не замечал.

Александра тихонько кашлянула, чтобы привлечь его внимание, но мужчина, похоже,

ничего не услышал. И это сейчас, во время эпидемии, когда при малейшем кашле все вздрагивают...

— Эй! — негромко окликнула Александра. — Сударь!

Такое обращение прозвучало глупо и несовременно, но как еще обратиться к незнакомцу? Господин? Глупее не придумаешь! Товарищ? Ну уж нет! Гражданин? Отдает какой-то полицейщиной. Молодой человек? Явно не по возрасту. Просто «мужчина» — совсем уж двусмысленно, тут сразу приходят на ум представительницы древнейшей профессии. «Мужчина, не хотите отдохнуть?..» Брр!

— Сударь! — повторила Александра чуть громче. Не дай бог, услышат соседи, подумают, с кем это она тут разговаривает. — Что вы здесь делаете? Вы ошиблись комнатой!

На этот раз мужчина повернулся на звук голоса, но посмотрел не на Александру, а сквозь нее. Как будто она была пустым местом, более того — человеком-невидимкой...

Александра сумела разглядеть его. Крупный, вальяжный, в темно-красной шелковой домашней куртке. Серебристые волосы аккуратно подстрижены и причесаны. Явно не злоумышленник, тайком пробравшийся в дом. На кого же он похож?

Незнакомец удивленно скользнул по ней невидящим взглядом, пожал плечами и зашел за платяной шкаф.

Взглянув на большой портрет, висящий над письменным столом, Александра наконец поняла, на кого похож незнакомец.

На портрете был изображен представительный мужчина лет шестидесяти, в темно-красной домашней куртке и черной шапочке-ермолке. Такие шапочки носили раньше крупные ученые, профессора, академики. А человек на портрете и был академиком. Выдающийся химик Сикорский, владелец дома, в котором сейчас жила Александра.

Выходит, академик Сикорский стоит сейчас за шкафом у нее в комнате? Бред какой-то! Он умер уже лет сорок назад.

Где-то за стеной пробили часы. Скорее всего это были те большие напольные часы, которые стояли в гостиной.

Придерживая одеяло, Александра приподнялась на кровати, заглянула за шкаф... Там никого не было. И вообще в комнате никого не было, кроме нее.

Так что же — у нее начались видения, галлюцинации? Или в доме живет привидение бывшего владельца?

Как бы там ни было, Александра чувствовала себя неловко, будто за ней кто-то подглядывает. Ей и прежде было неудобно одеваться под внимательным и пристальным взглядом

академика на портрете, а после того, как она увидела его воочию, и подавно...

Александра открыла дверцу шкафа, отгородившись от портрета, торопливо оделась, прихватила полотенце, выскользнула в коридор. И тут же налетела на Дарью.

Дарья шла из своей комнаты с полотенцем на плечах, многочисленные косички-дреды торчали вокруг головы солнечным нимбом, глаза горели веселым ведьминским огнем.

— Сашура! — шагнула она навстречу Александре, раскинув руки, как для объятий, но тут же вспомнила о карантине, который и собрал их под одной крышей, и вместо объятий сделала пародийный книксен. — Сашура, а что это на тебе лица нет? Где ты его потеряла?

Александре совсем не хотелось рассказывать отвязной Дарье о своем утреннем видении, но соседка обладала удивительным даром — ей и не хочешь, а все расскажешь. Вот и сейчас против своей воли Александра произнесла:

— Представляешь, только проснулась и вдруг увидела у себя в комнате...

Она тут же осеклась, сжала губы, но было уже поздно, Дарья вцепилась в нее как клещ:

— Кого? Кого ты увидела? Кто к тебе проник? Кто-то из наших? Кто, кто? Но ты была холодна? Признавайся!

— Да что ты несешь! — отмахнулась Александра. — Что ты такое подумала...

— А-а, тогда я знаю! — откровенно веселилась Дарья. — Ты увидела академика! Ведь здесь живет его привидение!

— Что, правда? Его еще кто-то видел? — не удержалась Александра и поняла, что этими вопросами выдала себя. Сейчас Дарья выпытает у нее все подробности.

— А как же! — Глаза Дарьи сияли от восторга, голос звенел, как высоковольтный провод перед грозой. — Правда, обычно он ходит по ночам, но в настоящее время, ввиду особых обстоятельств, является и при свете. Чаще всего он заглядывает в свой бывший кабинет, а ты как раз там и живешь...

Александра невольно вспомнила, как в детстве ездила на каникулы в летний лагерь. Там одна девчонка рассказывала перед сном страшные истории — про черную руку, про безголового велосипедиста... Все слушали ее, замирая от сладкого ужаса.

А Дарья тем временем продолжала:

— Заглядывает, подходит к кровати... то есть к дивану, и говорит загробным голосом: «Отдай мою черную ручку... Отдай мою черную ручку с золотым пером...»

Голос ее звучал очень выразительно. Ну да, Дарья же артистка... Точнее, не то чтобы артистка, но к театру имеет отношение, и у Александры уже мурашки побежали по телу, но тут из своей комнаты выплыла Лена Раевская — со сна еще более сдобная, чем обычно, усы-

панная крупными веснушками, как свежая булочка изюмом.

— Представляешь, Ленусик, — повернувшись к ней, проворковала Дарья, — Сашура его тоже видела!

— Кого? — Медленно соображающая со сна Лена заморгала и уставилась на Александру.

— Ну как — кого?! — воскликнула Дарья в неподдельном восторге. — Его, конечно! Призрак академика Сикорского!

— Призрак? — Лена округлила глаза. — Что, правда?

— Ну, я не знаю... — смутилась Александра.

Лена с Дарьей незаметно переглянулись.

В это время входная дверь открылась и с улицы, после утренней пробежки, вошла Рита. Оглядев присутствующих, она поинтересовалась, почему все толпятся в коридоре.

— Представляешь, Ритуля, — проговорила Дарья фальшиво-сочувственным голосом, — Александра тоже видела здешнее привидение!

— И не надоело вам? Повторяетесь! — фыркнула Рита, поправляя волосы и, повернувшись к Александре, добавила неодобрительно: — Это они всех разыгрывают! Наряжают Гену академиком и запускают к новоприбывшим. Думают, это очень смешно. Ко мне вот тоже запустили, но я его тут же выпроводила. А отец, так он его вообще

тостью огрел, так что Гена к нам больше и не сунется. Мне-то в общем все равно, а папа нервничает...

— Ну, Ритуля... — обиженно протянула Дарья, — ну зачем ты все портишь! Мы все так хорошо придумали... Скучно же. А тут какое-никакое развлечение...

— Значит, это розыгрыш? — переспросила Александра и испытала странное разочарование. Утреннее приключение оказалось всего лишь банальным розыгрышем.

— Ну, разумеется, розыгрыш... — Рита шагнула к своей двери. — А ты что, думала, тут и правда живет привидение?

— Постойте, — подала вдруг голос сонная Лена, — но мы еще не... Гена еще не успел...

— Что значит — не успел? — нахмурилась Дарья. — Как это — не успел? Почему не успел?

— Да мы с ним проспали... — Лена широко зевнула, прикрыв рот пухлой ладонью.

Тут открылась дверь комнаты Раевских, и на пороге появился Гена, на ходу натягивая темно-красную спортивную куртку. На голове криво сидела круглая черная шапочка, из-под которой выбивались неровные белесые пряди, на лице был виден неаккуратно нанесенный грим — несколько ненатуральных морщин, темные круги под глазами...

— Что, не успели? — выпалил он смущенно. — Она уже встала? Ох ты, незадача...

Александра удивленно уставилась на него. Гена был ничуть не похож на покойного академика — куда худее и моложе, несмотря даже на нелепую попытку состарить его при помощи дешевого парика и неумело нанесенного грима.

Опять же, на том человеке, которого она видела утром в своей комнате, была старомодная и очень стильная домашняя куртка, а Гена вырядился в какое-то спортивное убожество...

Нет, Александра никак не могла его перепутать с покойным академиком! Она же ясно его видела, когда он почти рядом стоял. Но говорить об этом было нельзя, а то насмешек потом не оберешься. Компания подобралась веселая, что и говорить.

Дарья бросила на Александру пронзительный взгляд, словно рентгеном просветила, и уже открыла рот, чтобы что-то спросить, но тут в коридоре появился Пабло.

Очень колоритная личность, в который раз поразила Александра. Смуглый, поджарый, волосы хоть и седые, но лежат пышной шапкой. Глаза черные, выразительные, блестят ярко. И вот что интересно: никто никогда не видел его спростонья. Выходит из комнаты всегда бодрый, энергией наполненный, прямо искрит от него. Может, оттого, что все время кофе пьет? Кофеварка у него была какая-то

навороченная, он ее с собой привез. И запас кофе тоже.

— Кофе? — спросил Пабло.

И все тут же забыли про привидение и устремились к кофеварке. Дарья первая.

Получив от Пабло чашку изумительно пахнущего кофе, Александра улыбнулась всем присутствующим и ушла к себе.

«К себе, как же...» — тут же усмехнулась она, неплотно прикрывая дверь.

Своя квартира осталась в городе. Уютная и привычная, отчего бы не жить? Но... карантин, чтоб его! В городе оставаться не рекомендовали. Тем более что в издательстве, где она работала, всех сотрудников разогнали по домам, на удаленку. Даже бухгалтерию. А ее - то редакторскую работу можно где угодно делать.

Квартирка у нее была, конечно, маленькая и тесноватая, без балкона, так что свежим воздухом дышать совершенно негде. Александра как представила, что неизвестно сколько времени придется находиться в духоте, так и пала духом. Спасибо коллеге, которая посоветовала ей это место. Точнее, свела с Дарьей, всем тут заправлявшей.

Огромный трехэтажный и очень старый, позапрошлого века, дом находится в поселке Мухино, что по Выборгской дороге. Когда-то он принадлежал академику Сикорскому,

очень крупному ученому в области... кажется, органической химии, Александра толком не знала, да и Дарья тоже не вникала в подробности, хотя и жила тут уже второй сезон. Несмотря на то что по календарю было начало апреля, стояла довольно теплая погода. Поэтому, а главное из-за карантина, обитатели дома решили открыть сезон пораньше.

А начиналось все так.

В театр, где Дарья работала не то режиссером, не то завоём литературной частью, явилась приятная пожилая женщина, представилась внучкой академика Сикорского и сказала, что ищет интеллигентных людей, чтобы сдать им на лето дом. Денег много не запросила, главное, чтобы люди были приличные.

Всем исключительно повезло, что нарвалась старушка не на Дарью, поскольку Дарья — девица отвязная и вид имела соответствующий. Одевалась эпатажно — то штаны широченные, как у клоуна, да еще в крупный горох, то юбка вроде как вся из заплат. На голове сейчас красовались дреды, а в прошлом году волосы были выкрашены разноцветными перьями. В общем, своим внешним видом запросто могла отпугнуть внучку академика, и тогда не видать бы им никакого дома.

А Дарья и еще кое-кто из театра уж потом подсуетились.

Каждое лето к Дарье приезжал Пабло, ее бойфренд из Аргентины, профессор-славист,

работавший не то в Буэнос-Айресе, не то в каком-то другом городе. В этот раз Пабло приехал пораньше, какие-то у них там случились каникулы — и тут, как назло, эпидемия. Границы закрыли, виза у Пабло закончилась, вот и сидел он на даче академика тихо, как мышь под веником.

Вспомнив про мышей, Александра очнулась от мыслей. «Стою тут столбом и размышляю непонятно о чем, а кофе между тем остывает!» Поставив кружку на подстеленную салфетку, она полезла в стол за пряниками.

Стол был тоже старый, хотя и прочный, добротный, Александре удалось пока освободить только один ящик. Застелив его белой бумагой, она хранила в нем сахар, сухари и пряники, причем делала это тайно от соседей, поскольку Дарья строго заявила, что продукты должны храниться только на кухне.

Зачем было введено такое правило, Александра поняла однажды утром, когда, явившись спозаранку на кухню, чтобы выпить воды, увидела на полу следы пребывания мышей. Один хвостатый индивидуум сидел на столе и нахально ел булку из прогрызенного пакета.

Александра от природы была выдержанной и рассудительной, но в такой ситуации какая женщина останется спокойной? Спасло ее только воспитание — неудобно было будить всех соседей в семь утра.